

Я поднялась на второй этаж зала для вечеринок вместе с Вильей. Поскольку благотворительное мероприятие затянулось до рассвета, многочисленные свободные комнаты ожидали пьяных гостей, ищущих передышки. Среди продолжающегося веселья коридор второго этажа излучал безмятежную атмосферу, контрастирующую с шумихой внизу.

Мои шаги, сопровождаемые шагами Вильи, отдавались мягким эхом, подобно ряби на спокойной поверхности пруда.

Я небрежно повернула ручку самой дальней от места проведения вечеринки двери и шагнула внутрь. Освещённая мягким светом, комната казалась тщательно обставленной, как будто ожидала появления постояльца. Я обошла кресло и легла на кровать.

— Я пойду освежусь, — объявил Вилья, присоединившись ко мне, и закрыл за собой дверь.

— А? Нет, в этом нет необходимости. Просто останься, тебе не нужно мыться, — поспешно вмешалась я, теперь трезвость в моём голосе была очевидна.

Поражённый моей внезапной просьбой, Вилья остановился, его рука всё ещё лежала на дверной ручке. Тень омрачила его черты, лишённые жизненной силы, словно он смирился с неизбежной судьбой.

— Тогда... что мне делать? — спросил он.

— Нет, я имею в виду... Я предложила прийти сюда, чтобы спокойно поболтать, — пояснила я, пытаюсь развеять мрачную атмосферу. — Давай просто поговорим. Тебе не нужно ничего делать. Просто посиди со мной и поговори.

Я указала на диван, расположенный неподалёку.

— Понятно, — спокойно ответил Вилья и сел на диван, точно следуя моим инструкциям. Он сидел прямо, аккуратно положив руки на колени, демонстрируя неподвижность, как будто он даже пальцем не пошевелит без явной команды.

Когда я наблюдала за Вильей, он сидел неподвижно, как статуя; дрожь пробежала у меня по спине при мысли о том, что могло бы произойти, если бы его продали с аукциона другому. Для меня было облегчением знать, что я могу защитить чистоту Вильи.

— Чувствуете усталость? — неожиданно Вилья, который, казалось, был способен сидеть молча бесконечно, нарушил тишину. Несмотря на свою официальную речь и жёсткое поведение, Вилья покорно выполнял свои рыцарские обязательства, чтобы угодить своему покровителю, превзойдя мои ожидания.

— Немного, — призналась я, закинув руки за голову, и прислонилась к кровати.

Несмотря на мою минимальную активность — сидеть, разминать пальцы и потягивать напиток, — длительное время, проведённое вне дома, утомило меня, к тому же благотворительное мероприятие началось поздно вечером. Хотя я и не уверена в точном времени, несомненно, была глубокая ночь, намного позже моего обычного времени отхода ко сну.

— А ты? — спросила я.

— Я в порядке, — стойко ответил Вилья.

С его мускулистым телосложением неудивительно, что он оставался невозмутимым даже после нескольких часов стояния.

Я кивнула в знак согласия и лениво постучала каблуками по полу, приглушённый звук резонировал по комнате, заполняя тишину вместо разговора.

Я пошевелила пальцами ног, чувствуя дискомфорт оттого, что нахожусь наедине с рыцарем в комнате, напоминающей спальню, особенно учитывая, что мы с Вильей познакомились только сегодня. Было неловко поднимать тему Коллетт в такой интимной обстановке.

— Я могу помассировать вам ноги, если вы устали, — несмотря на ощутимую неловкость, Вилья, хотя и совершенно без энтузиазма, собирался что-то сделать, вероятно, чувствуя необходимость оправдать значительную сумму в пятнадцать тысяч золотых, которую я потратила на него.

— Нет, ничего не делай. Просто сиди спокойно, — настаивала я.

— Понятно, — механически ответил Вилья, кивая в знак согласия.

Его послушание поразило меня. Не поэтому ли Коллетт и другие посетители могли захотеть подразнить его? Вилья обладал необъяснимым качеством, которое, казалось, вызывало желание спровоцировать его без видимой причины.

— Теперь твоя покровительница — Коллетт, верно? — спросила я.

— Да, — подтвердил Вилья.

— Коллетт просила тебя принять участие в этом аукционе? — продолжала настаивать я.

— Да... — ответил Вилья, в его тоне слышался намёк на сдержанность.

Пока я болтала ногами, воспоминания о Коллетт нахлынули на меня. Я вспомнила её

отличительные черты: тёмно-фиолетовые волосы, огромные очки, закрывающие половину лица, и пронзительные тёмно-синие глаза, видневшиеся за ними. Хотя прошло некоторое время с тех пор, как я в последний раз видела Коллетт, её образ остался живым в моей памяти.

Раньше она была очаровательна, когда называла меня «сестрой». Дни, проведённые с Коллетт за изучением прошлого людей, теперь казались далёкими и нереальными.

— На твоём месте я бы никогда не позволила другим так пользоваться мной... Довольно странное поведение, — заметила я, размышляя о странном поведении Коллетт.

Она обладала склонностью быстро становиться одержимой чем-либо только для того, чтобы так же быстро терять интерес. Как только она нацеливалась на что-то, она неустанно добивалась этого, но любая мелочь могла полностью погасить её энтузиазм.

Её эмоциональные перепады были экстремальными, сродни перепадам ребёнка, который чередовал доброту и издевательство по отношению к тем, кто ему нравился. Среди знати Коллетт выделялась как уникально эксцентричный персонаж, хотя было бы несправедливо называть необычной только её. Каждый покупатель на аукционе демонстрировал своего рода безумие, хотя и в своей особой манере.

— Тебя вынудили участвовать в аукционе с помощью угроз? — допытывалась я, внимательно наблюдая за реакцией Вильи.

Не выказывая ни малейшего удивления или замешательства, Вилья хранил молчание, его спокойное поведение наводило на мысль, что моё предположение, возможно, было верным, как будто кто-то, привыкший хранить секреты, естественно принял такое отношение.

— Мой покровитель никогда не угрожал мне, — наконец ответил Вилья ровным тоном.

— Ты не хотел участвовать в аукционе, но был вынужден это сделать? Или вы добровольно решил принять участие? — продолжала допытываться.

— Я участвовал, потому что мне сообщили, что в противном случае моё покровительство будет прекращено, — признался Вилья, его ответ был лишён эмоций.

— Это не может быть единственной причиной... Даже сейчас ты мог бы легко найти другого покровителя, — рассуждала я.

Если бы Вилья вернулся в зал для вечеринок в поисках покровителя, несомненно, нашлось бы множество людей, готовых утешить его и предложить свою поддержку, даже если бы меня среди них не было.

Вместо того, чтобы дать уклончивый ответ, Вилья предпочёл хранить молчание.

— Я остановлю её. Я помешаю Коллетт раскрыть твой секрет, так почему бы тебе не стать моим рыцарем?

— Это не то, что я могу решить самостоятельно, — ответил Вилья, признавая ограничения своего положения. Право расторгнуть текущее покровительство принадлежало исключительно покровителю; рыцарь не мог в одностороннем порядке расторгнуть соглашение.

— Я понимаю. Я имею в виду, что я разберусь с ситуацией с твоим покровительством, так что просто воздержись от выполнения указаний Коллетт до тех пор, — заверила я его, хотя в данный момент у меня не было конкретного плана. Мои слова вырвались импульсивно, движимые желанием разорвать эксклюзивные связи Вильи с Коллетт.

Однако, несмотря на отсутствие чётко определённой стратегии, за моим, казалось бы, безрассудным заявлением стояло зерно веры. Удивительно, но прекращение покровительства Коллетт может оказаться относительно простым делом. Если новый объект интереса привлекал внимание Коллетт или если она теряла интерес к Вилье, она с готовностью отказывалась от него в погоне за другим рыцарем. Всё, что мне нужно было сделать — это предложить ей подходящую замену.

— Вы действительно можете положить конец моему покровительству? — осторожно спросил Вилья; казалось, его мысли были поглощены этой возможностью. Несмотря на то, что он держал при себе тайну, которую был полон решимости сохранить, сам факт того, что он задал такой вопрос, намекал на трудности, которые он пережил под покровительством Коллетт.

Действительно, было по крайней мере два примечательных случая — турнир по фехтованию и нынешний аукцион — когда Вилья столкнулся с трудностями из-за Коллетт. Однако, помимо этих грандиозных событий, за время его пребывания в качестве её рыцаря, вероятно, было бесчисленное множество мелких инцидентов. Учитывая стоический характер Вильи, его отсутствие реакции могло только ещё больше ободрить его мучителей.

— Да, — подтвердила я.

— Как вы... остановите это? — спросил Вилья.

— У каждого есть секрет, который они не хотят раскрывать, — загадочно ответила я.

Действительно, в мире знати взаимодействиями часто управляла взаимность — око за око, шантаж за шантаж. Коллетт, несмотря на свою эксцентричность и очевидное пренебрежение общественными нормами, не была застрахована от уязвимостей.

Вспоминая тревожную сцену, на которую я наткнулась в особняке Коллетт — потайную комнату в библиотеке, заполненную предметами, принадлежащими рыцарям, которым она покровительствовала, — я поняла, каким рычагом воздействия я обладала. Каждый тщательно выставленный предмет, сопровождаемый датой и местом приобретения, рисовал портрет

одержимости, который беспокоил даже меня, относящуюся к Коллетт с относительной снисходительностью. Воспоминание о том, как она с гордостью демонстрировала эту коллекцию, о её осязательном удовлетворении, сохранилось в моей памяти, свидетельствуя о её искажённом душевном состоянии.

— Могу я задать ещё один вопрос? — голос Вильи нарушил тишину, его вопрос был осторожным, но настойчивым.

— Продолжай, — подбодрила я.

— Почему вы думаете, что меня шантажируют из-за какого-то секрета, а не из-за чего-то другого? — руки Вильи, крепко сжимавшие колени, выдавали охватившее его напряжение. Его вопрос намекал на более глубокое понимание своего затруднительного положения, признание того, что его поведение, вероятно, вызвало спекуляции среди наблюдателей. Несмотря на его стойкое поведение, отсутствие улыбок Вильи на официальных мероприятиях не осталось незамеченным.

Основу этого шантажа, какую тайну он скрывал, невозможно было определить простым наблюдением. Как правило, учитывая благородный статус Вильи, можно предположить, что речь шла о деньгах или чести его семьи. Было странно сразу прийти к выводу, что его шантажировали из-за какого-то секрета.

— Это потому, что я тоже знаю твой секрет, — призналась я после минутного раздумья. Казалось неизбежным, что Вилья поймёт, что я осведомлена о его секрете, и я решила, что лучше раскрыть правду как можно раньше, чем рисковать тем, что он потом почувствует себя преданным.

Впервые Вилья, который сохранял невозмутимое поведение, заметно напрягся, тревожно прикусив губу.

— Конечно, я не собираюсь делиться этим, — заверила я его, надеясь развеять его опасения. Однако Вилья оставался напряжённым, слабо выдохнув.

Единственное предложение вряд ли могло смягчить его беспокойство. Динамика власти между нами создала значительную разницу, из-за чего было сложно успокоить его простыми словами. Отпустив плотно прикушенную губу, Вилья медленно выдохнул, его молчание говорило о многом.

Даже без озвучивания своих мыслей, по его поведению было очевидно, что его разум был в смятении. О чём он размышлял сейчас? Пытался ли он оценить степень моей осведомлённости?